

Артём Гуларян (Орёл, Россия)
Олег Третьяков (Орёл, Россия)

ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ И УТОПИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКЕ 1990-Х ГГ.

1

На рубеже слома эпох всегда обостряются эсхатологические настроения – «ожидание конца света». Мы долгое время мечтали осчастливить все человечество. Мы хотели, чтобы нынешнее поколение советских людей жило при коммунизме, на Марсе цвели яблони, а в мире был мир. Философы называют такие настроения мессианством и считают, что они вообще очень характерны для России. Распад советской империи поменял знак этим мессианским настроениям с положительного на отрицательный. Раз нам не удалось принести свет и счастье всему человечеству – мы принесем мрак, распад и ужас. Единственное, что невозможно при мессианском сознании – помыслить себя просто стоящим в стороне¹. Эсхатологические представления о скором всеобщем крушении мира после распада СССР оказались у нас более сильными, чем последующий «синдром тысячелетия».

Черный эсхатологический мессианизм находит свое выражение в жанре антиутопии. Во многих фантастических произведениях конца 80 – начала 90-х годов XX века свершившийся или совершающийся распад СССР или России присутствует если не в качестве основной, то второстепенной линии сюжета. Первое подобное произведение появилось на надломе горбачевской перестройки в журнале «Искусство кино». Речь идет о нашумевшей повести Александра Кабакова «Невозвращенец»². Это программное произведение, сразу ставшее культовым: последовала экранизация романа, да и вряд ли найдется в СНГ человек, не читавший в свое время эту повесть А. А. Кабакова. Последующие повести того же автора – «Приговоренный» и «Сочинитель» – не вызвали такого резонанса. Все остальные антиутопии по-разному распаковывали смыслы, заложенные А. А. Кабаковым в «Невозвращенца».

¹ Розин М. Мифология предчувствия. // Знание-сила. 1991. № 7.

² Кабаков А.А. Невозвращенец. // Искусство кино. 1989 № 6.

Кратко напомним сюжет повести. Руководство КГБ получает возможность послать своего агента, обладающего даром экстрapolятора, в ближайшее будущее – в 1993 год с тем, чтобы он, возвратившись, помог скорректировать политику страны. Главный герой, Юрий Ильич попадает в мир, где Москва реального октября 1993 года совмещена с Буденовском 1995 года. Страна развалилась, и корректные прибалты загоняют русских в концлагеря; вечером по Москве люди ходят только вооруженными; совершается очередной переворот, и генерал Панаев, «спаситель отечества», въезжает в Кремль на белом танке. На улицах города черносотенцы отлавливают евреев, а исламские фундаменталисты берут в плен заложников, чтобы добиться освобождения своего лидера.

Точность «попадания» автора поразительна – автор предугадал все. Возможные возражения можно свести к следующему. Во-первых, все перечисленное одновременно невозможно: люди физически не в состоянии сделать себе столько гадостей сразу. Во-вторых, такое положение не может длиться долго – не хватит сил, да и цивилизованный мир не потерпит рядом с собой Ливан 80-х годов размером в одну шестую часть суши.

Но это только первый слой, нарративный. Пойдем глубже. Что обеспечило повести А. А. Кабакова такой резонанс? События, происходящие в повести, напоминают карнавальную ночь. На этом жутком карнавале дозволено все: убивать, насиловать, совокупляться. И не в укромном уголке, а при свидетелях, театрализовано разыгрываемая кровавый спектакль. Чтобы утвердиться в правильности выдвигаемого положения, достаточно вспомнить эпизоды этой повести: оргию в освещенном вагоне метро – он освещен, этот вагон; панка, повешенного прямо в окне и болтающегося в петле много дней. Все убийства, описанные в повести – это кровавый обряд, который дозволено отслужить каждой нации и каждому классу.

Это социальная катастрофа, ликвидация вертикального измерения, диффузное состояние социума. Однако, эта социальная катастрофа, как ни странно, будоражит. Читателю становится жутко и весело одновременно: человеку предлагается на кровавом карнавале выплеснуть весь потенциал агрессии и ненависти, который он накопил в своей серенькой и кажущейся такой благополучной жизни³. В

³ Розин М. Мифология предчувствия. // Знание-сила. 1991. № 7

этой связи по-новому воспринимается конец повести: главный герой остается в мире постперестроечной тьмы, просачиваясь мимо кураторов КГБ, как песок между пальцев. И кураторы – Игорь Васильевич и Сергей Иванович, как ни странно, его отпускают в обмен на обещание найти для них в будущем более мощного экстраполятора, то есть, фактически, под «честное слово». Подлинный смысл подобного финала ускользает от читателя, и требуется серьезное осмысление содержания повести, чтобы понять намек Кабакова

Невозвращенец заворочен царством дьявола... и его кураторы им тоже заворочены! Авторы данной статьи полагают, что, разговаривая со своим агентом, они уже были в курсе будущего, и оно их вполне устраивает. Действительно, посылать человека в будущее и полагаться только на его добросовестность и порядочность – не глупо ли? Тут следует предусмотреть двойную или тройную систему электронного наблюдения и фиксации происходящего. И тут следует по-новому посмотреть на другой персонаж – женщину, которая сопровождает героя в его путешествии по постперестроечному миру, а под конец путешествия пытается его убить. Только отсутствие у Юрия Ильича подготовки кадрового разведчика мешает ему понять «провальность» её легенды – приехала в Москву из провинции купить сапоги. И это в хаосе гражданской смуты! Но ни главный герой, ни читатели этого не замечают. Первый – потому что объяснение героини хорошо ложится в контекст перестроечного времени. А читатели слишком стремятся вперед по тексту.

Итак, чекисты подстраховали одного своего агента вторым агентом, так что отчет Юрия Ильича носил, по всей видимости, формальный характер. А дальше в голову приходит мысль, простая, как бином Ньютона: в силу природного эгоцентризма каждый человек думает, что в условиях социальной катастрофы именно он вытащит свой главный счастливый билет и окажется в этой жизни на коне. Поэтому кураторы и сплавляют Юрия Ильича обратно в будущее, как нежелательного свидетеля, а сами начинают ждать свой счастливый билет. Не в этом ли ожидании персонального успеха на гребне мутной волны и заключается корень произошедших в стране реальных трагических событий?

Итак, в жанре антиутопии современной отечественной фантастики воплотились характерные для нашего менталитета идеи мессии-

низма (пусть даже черного) и веселой жути социального карнавала, перемешивающего низ и верх, ввергающего общество в диффузное состояние без какой-либо идеальной, духовной надстройки. Но можно выявить также третью, довольно неожиданную составляющую рассматриваемых сценариев. Это традиция критического реализма в нашей отечественной литературе.

Главным объектом изображения в литературе критического реализма XIX века был «маленький человек» большого города, его неустроенность и страдания. Эти герои обитали на периферии городской жизни и жизни вообще: по подвалам, чердакам, у зловонных помоек, у черты города. В более «облагороженном», революционно-демократическом варианте реализма герои опять находятся за пределами нормального течения жизни и времени: «лишние люди», «люди будущего», «новые люди». При этом во всех романах реалистического направления XIX века неизменно возрастает «социальная энтропия», то есть мера страдания человека в обществе. Н. К. Михайловский прекрасно показал в своей критической статье «Жестокый талант», что великий писатель Ф. М. Достоевский мучает своих героев без всякой литературной необходимости, при каждом повороте сюжета придумывает для них все новые и новые страдания⁴. И это логично: поставь своего героя на ноги, выведи его «в люди» – и он станет неинтересен как объект изображения. Если бы «Унесенные ветром» писал бы Федор Михайлович, а не Маргарет Митчелл, он бы довел главную героиню «до ручки». С антиутопией тоже самое: чем хуже, тем лучше. Главное – не предупредить общество о грозящих опасностях, а запугать своего читателя, выплеснуть на него свою злобу, желчь и разочарование.

Типичным примером подобной фантастики является роман «Четвертый Рим» В. А. Галечьяна и В. А. Ольшанецкого. Авторы этого романа рисуют XXI век в России, весьма напоминающий последние дни Римской империи. Роман застает Россию XXI века на последней стадии крушения империи: автаркии отдельных регионов и даже деревень. Страна уже расколота на части – упоминаются в качестве самостоятельных государственных образований Петербург, Москва, Казань, Орел, Елец, Нижний Новгород, Тюменская республика. Авторы рисуют эпизод – в руки главного героя попадает карта СССР в

⁴ См.: Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 267.

границах 1985 года: «Перед тем, как отдать карту, они с братом долго с удивлением рассматривали изображение гигантской страны, равной которой по величине и мощи не было в истории»⁵.

В тексте даны также многочисленные ссылки на предшествующие этапы сценария распада: «вторая Крымская война», «семь темных лет, когда никто ни во что новое не одевался». Разбойничьи отряды из Орла и Ельца перехватывают московские поезда и грабят их, так что в Киев лучше добираться через Прибалтику. А в Казани засел генерал Шамир, основатель нового имамата. Только Петербург представляет собой цивилизованное государственное образование, западную витрину страны. Витрина эта очень хрупкая и разлетается на мелкие куски на глазах читателя. И читатель понимает, что демократия и благосостояние – «не про нас», и в XXI веке россияне обречены существовать на задворках цивилизации.

Невольно вспоминается четверостишие поэта В. С. Соловьева:

Примером павшей Византии

Мы научиться не хотим,

И все твердят льстецы России:

«Ты Третий Рим, ты Третий Рим».

Действительно, во всех приведенных сценариях распада страны, так или иначе, присутствует опыт распада Римской империи. В этом случае исторические параллели и сопоставления сыграли над нами дурную шутку. Хотя в этом, во многом проходном произведении, уже ощущается дыхание нового течения жанра антиутопии – либерпанка. Оно рассеяно в романе в намеках и полунамеках: в чемоданчике с долларами, привезенным американскими кураторами директору Московского лица для поддержания статус-кво, в лекциях по римской риторике, которые ведет компьютер, «промывающий» параллельно мозги своим слушателям.

Тем не менее, катастрофа всегда одномоментна. Авторы, эксплуатиовавшие тему антиутопии и черной эсхатологии, пытались ее растянуть, манипулируя эсхатологическими ожиданиями и настроениями общества. Но общество постепенно успокаивалось. Страх отступал. Жизнь после развала СССР оказалась не только знакомой, но и привычной. Люди не забыли войну, карточки и ночные очереди – ничего нового, скорее не успевшее забыться старое.

⁵ Галечьян В. А. Ольшанецкий В. А. *Четвертый Рим*. М.: Космполлис, 1994. С. 29.

Большинство из нас оказалось не на коне со счастливым билетом в руках, а под конем, в луже. Что подтверждает правильность закона больших чисел. Но при этом психологических проблем стало меньше. Нашлось занятие для всех – кормиться и одеваться. Появилось оправдание для каждой несостоявшейся жизни: теперь ни у кого не состоится, не я один такой и не я виноват. Эсхатологические идеи уже потеряли власть над россиянами: очередные «страшилки» Леонида Ионина «Русский Апокалипсис: фантастический репортаж из 2000 года»⁶ и Сергея Доренко «2008»⁷ либо остались практически незамеченными обществом (как в первом случае), либо (во втором) не вызвали того резонанса, на который рассчитывал автор и его заказчики. К слову сказать, эти «страшилки» однотипны, если не сказать односюжетны: обе книги описывают развал Российской Федерации в силу фатальной ошибки высшего руководства страны накануне президентских выборов, в первом случае ельцинского в 2000 году, во втором – путинского в 2008 году соответственно.

Антиутопия умерла... Да здравствует антиутопия!

2

Природа не терпит пустоты, это известно еще со времен Аристотеля. И, хотя олигархическая элита, правящая страной в 90-е годы XX века, не оставила, казалось, России шанса на приемлемое будущее, именно тогда в российской фантастике зарождается новые идеи и проекты будущего.

В социальной фантастике появилось новое программное произведение, несущее огромную смысловую нагрузку. Имеется в виду роман Вячеслава Рыбакова «Гравилет «Цесаревич»», удостоенный премий «Бронзовая улитка», «Странник» и «Франкон-95». Наш мир предстает в этом романе результатом чудовищного эксперимента безумных и беспринципных ученых из вполне благополучной параллельной реальности.

Роман увидел свет на пике социальных потрясений и эсхатологических ожиданий в нашей стране. И первоначально кажется, что автор просто отдает дань черной эсхатологии и рисует мир, у жителей которого искусственно устранены все сдерживающие стимулы – то, что в просторечии зовется просто человечностью. «Из приемни-

⁶ Ионин Л. Г. *Русский апокалипсис. М., Арга-Медиа, 1999.*

⁷ Доренко С. *2008. М., Ad Marginem, 2006.*

ка сыпалось тупой скороговоркой: «Сараево... Босния... очередная кровавая акция колумбийской мафии... «красные кхмеры» нарушили перемирие... новые жертвы в Сомали... Ангола... столкновение на демаркационной линии между Чехией и Словакией, есть жертвы... непримиримая вспышка оппозиции... очередная вспышка расовых волнений во Флориде... избиение эмигрантов из Турции в Мюнхене... взорван автобус с израильскими гражданами... взорван еще один универмаг в Лондоне...»⁸

Существование параллельных реальностей традиционно обосновывается писателями-фантастами с помощью сложной наукообразной теории, оперирующей понятиями совмещенных пространств, гипер-перехода и прочей фантастической пока еще атрибутикой. Но В. М. Рыбаков был лишен такой возможности: его «Великий эксперимент» происходит в последней трети XIX века, когда в науке царил позитивизм и классическая механика. Автор вынужден был воспользоваться приемом из арсенала Жюль Верна: наш мир, наша реальность оказывается выращенной в специально сконструированном автоклаве в другом мире, в другой реальности, не знавшей революций, мировых и гражданских войн после 1870 года. Здесь существует благополучная Российская империя в благополучной консервативно-монархической Европе. Царят жюль-верновские сциентизм и позитивизм: при сохранении сословного деления XIX века в обществе властвует общая терпимость и осуществляются полеты в Космос. Эта жюль-верновская утопия отвергает чудовищный эксперимент и самих экспериментаторов. Но созданные ими миры обмениваются душами, что рождает все описываемые в романе коллизии.

Таким образом, в романе Рыбакова, к слову сказать, вышедшем в свет в 1993 году (это год, в котором происходит действие повести «Невозвращенец»), присутствуют локусы сразу двух жанров, определяющих лицо современной российской социальной фантастики: антиутопии либерпанка и «имперской» фантастики. Что и предопределило широкий резонанс и немеркнущую популярность этой книги. Некоторые критики (например, «ник» Coolwind) считают чисто либерпанковское произведение Вячеслава Рыбакова «На будущий год в Москве»

⁸ Рыбаков В.М. *Дерни за веревочку. Гравилет «Цесаревич»*. Харьков, Фолио, 1996 С. 351

слабейшим произведением писателя, памфлетом, «задавленным» публицистикой⁹. Но до сих пор никто не делал подобных заявлений в адрес повести «Гравилет «Цесаревич»».

Так что же такое либерпанк и «имперская» фантастика?

Появлению либерпанка способствовала «вакцина глобализации» (выражение Дмитрия Володихина)¹⁰, не прекращающийся в нашей стране спор между ее сторонниками и противниками. Отечественная фантастика, для которой социальная проблематика не внове, быстро адаптировала этот спор «под себя», создав новое направление жанра антиутопии. Тем не менее, некоторые критики считают, что это чисто идеологический, а не литературный конструкт. Это утверждение опровергается уровнем литературных произведений, относящихся к данному направлению.

Либерпанк определяется как литература протеста, а также антиутопия, которая рисует читателям общество победившего глобализма, а точнее, всепланетный тоталитарный строй, при котором подавление и «расчеловечивание человек» ведется в, основном, экономическими и юридическими методами.

Изобрел слово «либерпанк» Владислав Голощاپов. Вячеслав Макаров превратил это слово в устоявшийся термин¹¹. Литературное течение «либерпанка» объединяется вокруг литературно-философской группы «Бастион», которая провела 12 марта 2005 года конференцию «Либерпанк – литература Сопротивления». На конференции присутствовало около 40 человек. С докладами выступили С. Макаров «Введение в либерпанк», Д. Володихин «Место либерпанка в структуре сакральной фантастики», К. Крылов «Либерпанк: истоки и смыслы», А. Морозов «Экономика либерпанка», А. Асриян «Либерпанк как трофейная технология», Г. Никифоров «Классификация панкинга»¹².

В двух других книгах Д. Володихина описан «открытый» мир – мир Виктора Сомова. Здесь Женевской Федерации приходится конкурировать с другими проектами: российским, китайским, латиноамериканском, израильским. И, разумеется, с планетой Терра, сумевшей освободиться от женевской гегемонии. Поэтому «Конквистадор» и

⁹ <http://www.livejournal.com/users/coolwind/99353.html>

¹⁰ Володихин Д. М. Война сценариев. <http://www.apn.ru/publications/print1596.htm>

¹¹ Интервью с Дмитрием Володихиным. *Питербрук* 2005. № 5.

¹² <http://esli.ru/news/2005/03/14/111409-index.html>

«Долиной смертной тени» следует отнести к «имперской» фантастике с элементами либерпанка.

Конкуренция в романах Володихина идет Женевской Федерации явно не на пользу... В этом и кроется причина современной агрессивности западных глобалистов: их проект жизнеспособен только при отсутствии конкурентов. Как и ушедшая в небытие сталинская модель социализма. Противоположности сходятся.

В своей статье «Война сценариев» Д. М. Володихин относит к жанру «либерпанка» романы и повести следующих писателей: Михаила Тырина «Желтая линия»¹³, Виктора Косенкова «Моя война»¹⁴, Михаила Харитонов – «Дракон XXI»¹⁵, Вячеслава Рыбакова – «На будущий год в Москве»¹⁶.

Сторонником глобализации выступил ветеран НФ Владимир Михайлов, расписав ее прелести в романе «Тело угрозы»¹⁷. Наконец, прекрасную повесть с говорящим названием «Золотой миллиард» опубликовал Геннадий Прашкевич. Авторская позиция выражена в ней замысловато: не «за» и не «против», а над схваткой, впрочем, с риском пострадать от обеих сторон... Впрочем, России в повести Г. М. Прашкевича к моменту начала действия уже не существует. Как и всех других государств¹⁸.

Разумеется, описываемое либерпанком будущее не может устроить россиян. Поэтому все чаще писатели-фантасты описывают Россию как отдельную цивилизацию, самостоятельное общество, отстаивающее свою самостоятельность в войне против Запада (США, НАТО, Евросоюза). Разнообразные сценарии подобной войны прописаны в романах Алексея Свиридова и Александра Бирюкова «Истребители»¹⁹, Олега Кулагина «Московский лабиринт», Виктора Бурцева «Пленных не брать»²⁰, Кирилла Бенедиктова «Война за «Асгард»»²¹. И, разумеется, сюда относится немеркнувший Юрий Никитин с романами «Ярость», «Империя Зла», «На тёмной стороне», «Труба Иерихона» (цикл «Русские идут»).

¹³ Тырин М. *Желтая линия*. М., Эксмо (Абсолютное оружие), 2003.

¹⁴ Косенков В. *Моя война*. М., ОЛМА-Пресс (Остросюжетная фантастика), 2003.

¹⁵ Харитонов М. *Моргенштерн*. М., АСТ-Люкс (Звездный лабиринт), 2004. С. 359–413.

¹⁶ Рыбаков В. М. *На будущий год в Москве*. М., АСТ, 2003.

¹⁷ Михайлов В. Д. *Тело угрозы*. М., АСТ-Ермак (Звездный лабиринт), 2003.

¹⁸ Володихин Д. М. *Война сценариев*. // <http://www.apn.ru/publications/print1596.htm>

¹⁹ Свиридов А., Бирюков А. *Истребители*. М., Яуза, 1998.

²⁰ Бурцев В. *Пленных не брать!* М., Эксмо (Русская фантастика), 2005.

²¹ Бенедиктов К.С. *Борьба за «Асгард»*. 2003.

При этом сценарии будущей войны очень быстро эволюционируют от «шапкозакидательских» настроений в стиле «Первого удара» Николая Шпанова в сторону осознания грозного характера предстоящих испытаний. «Виртуальный реванш» России над Западом представлен в «Истребителях» («Разорванном небе») А. Свиридова и А. Бирюкова, описывающих, как наши пилоты-добровольцы в небе Сербии лихо громят американских агрессоров. Небольшое уточнение: роман написан накануне настоящей войны НАТО в Югославии и представляет собой сценарий возможной военной кампании, на который прежнее руководство России не решилось, да и не могло решиться. Дело ограничилось тогда разворотом одного единственного самолета на обратный курс... Лихо, «по-шпановски», разносит Америку на куски российский спецназ в романах Ю. А. Никитина: группа Ермакова совершает дерзкий рейд по Латинской Америке и США, а группа Филиппа захватывает танкер и взрывает его у берегов Англии²².

Но уже в романе Виктора Бурцева (псевдоним писателей Виктора Косенкова и Юрия Бурносова) одной из сюжетных линий является Россия недалекого будущего, раздираемая нищетой и внутренними конфликтами, обменивавшаяся ядерными ударами с Украиной и ведущая затяжную войну с Грузией. Разумеется, в реальности России не надо воевать с этими странами с помощью классического оружия, достаточно перекрыть вентиль... Но Россия Виктора Бурцева лишена подобной возможности, поскольку разорена неквалифицированным (или наоборот, квалифицированным – это с какой стороны посмотреть) управлением. От подобной картины у авторов, а вслед за ними у читателей не остается других слов, кроме матерных (особенно в начале книги).

Олег Кулагин рисует будущую ядерную войну США с Россией, когда американцы объявляют русских «козлами отпущения» за взрыв ядерной бомбы в Сан-Франциско. Русские проиграли и вынуждены перейти к вооруженному сопротивлению – городской герилье – на радиоактивных развалинах Москвы. Кирилл Бенедиктов также не видит у России в нынешнем ее состоянии достаточно ресурсов и достаточно воли, чтобы добиться серьезного положения в мире²³. Един-

²² См: Никитин Ю. А. На темной стороне. М., 1999.

²³ Володихин Д. М. Война сценариев. // <http://www.apn.ru/publications/print1596.htm>

ственным средством борьбы против Белого Возрождения остается терроризм, схлестнувшийся с государственным террором «золотого миллиарда», мечтающего окончательно решить проблему «человеческого мусора». И вот террорист Зеро (Влад Басманов) штурмует базу «Асгард», чтобы уничтожить новое ОМП²⁴.

Но чаще всего конструирование будущего по сценарию «вторжение-сопротивление-победа» заканчивается возрождением Империи.

3

По меткому наблюдению В. О. Ключевского, развитие России происходит по старым лекалам: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу»²⁵. Русский человек с завидной регулярностью устраивает себе «конец света», крушит до основания собственную страну и культуру, чтобы потом отстраивать здание, сильно напоминающее старое. Чем мы занимались в 30–40 годы прошлого века? Отстраивали новую Советскую империю, предварительно разрушив в 1917 году старую Российскую. Чем мы фактически занимаемся сейчас? Строим новую сверхдержаву, предварительно разрушив в 1991 году старую...

А для сверхдержавы нужен проект.

С конца 1990 годов появилось немало подобных проектов для России. Наиболее известным из них является Ордусь, разработанная в серии романов «Евразийская симфония» Хольмом ван Зайчиком²⁶ (коллективный псевдоним И. Алимова и В. Рыбакова)²⁷. Страна Ордусь, вопреки своему названию, представляет версию не монголоизации, а китаезации страны, предельной по своему характеру, но понимаемой автором в позитивном ключе. Автор рисует цивилизацию, существующую по своим нормам и ценностям рядом с Западной цивилизацией и чувствующую себя вполне благополучно. Подданные Ордуси считают иностранцев варварами (правда, политкорректность распространяется и здесь, и западных варваров теперь называют «гокэ» – гости) и не желают, сломя голову, нестись

²⁴ См.: Бенедиктов К. С. *Борьба за «Асгард»*. 2003.

²⁵ Ключевский В. О. *Собр. Соч. Т. 7. М., 1989. С. 395.*

²⁶ Ван Зайчик, Хольм. *Дело жадного варвара*. СПб., Азбука-классика, 2004.; *Его же. Дело независимых девишей*. СПб., Азбука-классика, 2004.; *Его же. Дело о Полку Игореве*. СПб., Азбука-классика, 2004.

²⁷ Володихин Д. М. *Война сценариев*. // <http://www.apn.ru/publications/print1596.htm>

по пути технического прогресса. Так, построив космическую ракету первыми, ордусяне вышли в Космос вторыми, поскольку запуск ракеты утонул в многочисленных согласованиях. Однако автор немного переборщил с религиозным синкретизмом: сцена молитвы «православного» героя Богдана Оуянцева-Сю, когда он перемежает православные молитвы с конфуцианскими благопожеланиями²⁸, вызывает большое сомнение у верующего человека в возможности, и главное, необходимости подобного синкретизма.

По мысли своих создателей, Ордусь представляет собой результат развития мира, альтернативного нашему. Это мир, в котором Александр Невский прожил немного дольше, а его побратим, хан Сартак не был зарезан своими братьями. Им удалось объединить Русь и Орду в единое государство²⁹.

Подобным же путем пошли Владимир Серебряков и Алексей Уланов в романе «Из Америки с любовью»³⁰. Их книга представляет собой один из вариантов проекта «Мир царя Михаила», который активно разрабатывается на сайте Альтернативной истории, расположенном по адресу: <http://alternativa.borda.ru/>. В. Серебряков и А. Уланов сделали допущение, что летом 1905 года царь Николай II отрекся от престола в пользу сына, а ставший регентом Великий князь Михаил твердой рукой навел порядок в стране. После смерти болезненного племянника Михаил Суровый продолжил править уже как император. К сожалению, альтернативная история представляет собой самостоятельный жанр современной фантастики и подробно рассматриваться здесь не может.

Российскую империю вывел к звездам Д. М. Володихин в рассмотренных выше романах, а также в примыкающих к «Сомовскому циклу» повестях «Мой приятель Молчун» и «Служба Государева». Это позволило автору развернуть панораму особого Русского мира, в котором нашлось место всем возможным проектам. В этом мире существуют, не мешая друг другу: и традиционалистская Российская империя; и сообщество анархистов на Русской Венере, и консульская республика Русской Европы – олицетворение закона и порядка, и, last but not least – планета Терра, своеобразная модель «россий-

²⁸ Ван Зайчик, Хольм. Дело жадного варвара. С. 50.

²⁹ Ван Зайчик, Хольм. Дело жадного варвара. С. 78–79.

³⁰ Серебряков В. Д., Уланов А. А. Из Америки – с любовью. М., ЭКСМО, 2001.

ской Америки». Странники разных проектов разведены по разным закоулкам Космоса. Это по-настоящему мудро, если вспомнить, что любимым спортом русских во все времена является драка стенка на стенку, подобно тому, как в XIX веке любимым спортом французов являлось строительство баррикад.

Сценарии космической экспансии для России прописаны в романах Елены Хаецкой «Из записок корнета Ливанова»³¹ и А. Громова «Корабельный секретарь». Е. В. Хаецкая является одним из выдающихся современных писателей-фантастов. Ее миры всегда предметны, «вкусны», хотя и немного вычурны, будь то средневековый Прованс или Российская Империя с космическими кораблями XXII и сословной структурой XIX века. «Вкусные» детали говорят, прежде всего, о том, что Е. В. Хаецкая полностью «погружается» в описываемый мир. Так случилась и в случае с миром корнета Ливанова. Все предисловия и аннотации подчеркивают связь этой книги с «Героем нашего времени» М. Ю. Лермонтова³². И это действительно так, ибо «погружение» Елены Хаецкой в XIX век связано именно с этим именем, когда писательница предприняла довольно рискованный эксперимент, «раздвоив» Михаила Юрьевича Лермонтова на двух братьев. Так появился криптоисторический роман «Мишель». Но из эпохи нельзя сразу «всплыть»: может случиться аналог кессонной болезни. Так появился роман, стилистически копирующий «Героя нашего времени», но являющийся, по сути, новой имперской утопией.

К имперской фантастике следует, по всей видимости, отнести «Вариант «И»» Владимира Михайлова, который прямо сейчас, на наших глазах уходит в область альтернативной истории. Он описывает сценарий возрождения России через ее исламизацию. Большинство русских в романе сознательно меняют «обветшавшее» православие на молодой и динамичный исламский фундаментализм. Экономике страны поднимают многомиллиардные кредиты арабских нефтяных шейхов. Храм Христа Спасителя перестроен в мечеть, а главный герой романа, генерал спецслужбы и лидер движения «Реанимация России», готовит возвращение в стране монархии. Разумеется, на исламский манер.

Этот сценарий неактуален не только потому, что уже сейчас ясно,

³¹ <http://zhurnal.lib.ru/m/mzm/>

³² Хаецкая Е. В. Звездные гусары: Из записок Корнета Ливанова. СПб.: Амфора, 2008.

что Россия связала свою судьбу с Западом, а не с Югом. Этот роман – вещь, безусловно, заказная, но ни заказчики, ни сам автор не учли одного исторического обстоятельства: самосознание русской нации формировалось в XV–XVI веках в условиях жесткого противоборства с окружающими исламскими странами. Семьдесят лет принудительного атеизма недостаточный срок, чтобы вытравить из подсознания социально-психологические реакции. Поэтому ни о какой добровольной смене русскими веры в настоящее время речь идти не может. Тем не менее, Владимир Михайлов написал очень «русский» по своему духу роман. Ибо трансформация России православной в Россию мусульманскую происходит в его романе «на рывок», буквально в несколько лет. Точно также большевики «на рывок» пытались построить Россию атеистическую. Какие это вызвало издержки – мы все знаем. Издержки же массивной исламизации оставлены В. Михайловым за пределами его романа.

Зато Олег Дивов попытался описать все издержки предлагаемого им проекта. Его роман «Выбраковка» уже назван самым провокационным произведением российской фантастики последнего десятилетия. Но попробуйте найти эту книгу на лотках развалов и на полках книжных магазинов. Любое переиздание расходуется в считанные дни. Народ принял эту книгу, хотя вся «демократически мыслящая» интеллигенция однозначно осудила этот «новый Гулаг».

Дело в том, что главные герои у Дивова выписаны очень ярко и характерно. Читатель не может воспринять их как «страшных и жестоких» чекистов времен «великой чистки». Ведь они выступают против дикого и кровавого бандитского «беспредела» с детской игрушкой в руках, которая не убивает. Таким образом О. И. Дивов реализовал американскую идею оружия несмертельного действия, оружия, которым нельзя злоупотребить. Даже «положив» из игломёта всех людей на базарной площади, вы не нанесете вреда их здоровью. Просто доставите временное неудобство от обездвиженности. Поэтому выбраковщики используют свое оружие, не задумываясь. Но жизнь есть жизнь: в реальности на войне гибнут не только враги, но и друзья. И вот выбраковщики, не задумываясь, используют уже боевое оружие, отнятое у врага. Таков путь от пинк-бола до гражданской «разборки».

Само Агентство социальной безопасности в романе О. И. Дивова создано по инициативе нового правительства сразу после государ-

ственного переворота для того, чтобы «зачистить концы» прежнего режима. Но АСБ представляет собой силовую структуру, независимую от корпоративных интересов правящей верхушки, поэтому эффективно зачищающую всякую мразь, включая некоторых своих создателей. Эта идея тоже не нова и уже опробована и в России, и на Западе. У нас в стране структуру, независимую от корпоративных интересов феодальной знати, впервые создал царь Иоанн Васильевич. Результат эксперимента считается отрицательным, хотя перед тем, как пойти «в разнос», Опричнина устранила всех, кто был противником Грозного царя или же имел несчастье считаться таковым. На Западе силовые структуры, не связанные с коррумпированной и разложившейся верхушкой, возникали в странах Латинской Америки в виде пресловутых «эскадронов смерти». Впервые их опробовали на стране, «которую не жалко», – Бразилии – во времена военной хунты. Результат эксперимента считается положительным, хотя кроме мафиози «эскадроны смерти» искореняли коммунистов, социалистов, «андерграудную» творческую интеллигенцию. Наблюдая подобную разницу в оценках однотипных явлений, невольно задумываешься: не слишком ли мы чистоплюйствуем в оценках своей собственной истории?

Стоит отметить, что «выбраковка» в романе Олега Дивова несет в себе родовые черты обоих исторических примеров: те же внесудебные расправы, прославившие опричников и «кавалеристов», правда метлы и собачьи головы заменены голографическими значками. Да и развивается выбраковка точно по знакомому сценарию – «в разнос». Тем не менее, герои Дивова, «последние из могикан», мятущиеся люди с исковерканной судьбой, вызывают сочувствие, а не отторжение у читателей. Может быть, Олег Дивов действительно решил исследовать «приключения» старых и новых идей в новом веке, или захотел написать антиутопию, или «просто попровоцировал» нас, читателей. А получилось, что он выявил готовность современного российского общества поддержать «наведение порядка крутыми мерами».

По-своему решает «имперскую проблему» Василий Звягинцев в своих романах «Право на смерть», «Дырка для ордена» и «Время игры», относящихся, как и романы Хольма Ван Зайчика, к жанру альтернативной истории³³. В этих романах имеется один смысл, кото-

³³ См.: Звягинцев В. Д. *Право на смерть*. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998; *Его же. Время игры*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001; *Его же. Дырка для ордена*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002

рый, будучи «распакован», представляет собой проект устройства будущей России. Речь идет о криптократии – «плоть от плоти, кровь от крови» порождении описанной автором исторической «химеры». Дело в том, что по сюжету В. Д. Звягинцева описываемая им альтернативная реальность появилась благодаря вмешательству одного из «Держателей Мира» в сознание последнего русского императора Николая II, в результате чего царь избавился от психологических комплексов и стал править страной четко, решительно и расчетливо³⁴. Но эта реальность оказалась внутренне неустойчивой и требует для поддержания своего существования постоянного вмешательства своего создателя, который то двух офицеров из нашего недалекого будущего туда закинет, то бурную активность журналиста Росточкина инициирует, то, вообще, «наведет» на новую реальность специалистов по решению всех проблем – главных героев В. Д. Звягинцева – Андрея Новикова и Александра Шульгина.

В подобном мире просто не могла не возникнуть идея криптократии – тайного ордена, руководящего страной и оберегающего Россию от грозящих проблем и потрясений. В социокультурном отношении эта криптократия представляет собой реализацию на практике идеи Л. Н. Толстого о необходимости объединения всех честных и порядочных людей для противостояния Злу. Технологически криптократия была создана с помощью изобретения русского ученого, доработавшего полиграф (детектор лжи) таким образом, что он мог измерять личностные характеристики человека. Таким образом, проблема перерождения тайной власти, ее «порчи» была исключена в принципе: в криптократию попадали самые достойные «бессеребряники».

Несколько ниже автор объясняет, как это удается: «Идея, пришедшая в изоэтранный мозг армейского философа, была проста, как русский штык. И столь же эффективна, что в дальнейшем и подтвердилось. Любому командиру известно, что хорошо подготовленный десантно-штурмовой батальон рейнджеров-профессионалов может почти без потерь разгромить дивизию, а то и корпус, наскоро укомплектованный необученными призывниками и сорокалетними мужиками из запаса третьей очереди. То же самое и в политике»³⁵. То есть

³⁴ См.: Звягинцев В. Д. *Время игры*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 425–426

³⁵ Там же. С. 392.

анонимность и конспирация – не главное. Главное – использование превосходства организации и тактики, которые строились в расчете на другие цели, но показали свою эффективность и в области политики. Идея действительно простая, «как русский штык». Этой идее вторят выводы С. Б. Переслегина из статьи «Опасная бритва Оккама» о системном превосходстве индустриальной армии над традиционной: «Мордор уже принадлежал к индустриальной фазе... Для того, чтобы сделать его армии непобедимыми, был нужен или порох, или простая гуманитарная технология штабной работы, давно открытая работниками умбарского ДСД»³⁶. Так может быть, главное не конспирация, а «гуманитарная технология штабной работы»?

Картина складывается очень интересная и неоднозначная. Ведь во времена кризиса горбачевской «перестройки» демонизация власти через ее анонимность была одним из сильнейших способов ее компрометации. И почвенники-патриоты, и западники-либералы объявляли, что власть не имеет лица: власть – это масоны и мафия, или – спецслужбы, референты и секретные институты. В силу этого власть – это зло, и невозможно себе представить, что она стремиться улучшить положение народа³⁷. И через десять лет после подобных настроений Василий Звягинцев, шестидесятник, глотнувший свободы «в недолгие двенадцать лет, что пролегли между Будапештом и Прагой», писатель, пишущий «портрет поколения в предполагаемых обстоятельствах»³⁸, описывает «скромное обаяние» системы тайной анонимной власти. Притом во фразах, составленных в положительно окрашенных эмоциональных тонах. Такая вот петля Мёбиуса. Это индикатор происходящих в обществе переоценок ценностей – хорошо всё то, что на благо России.

* * *

Подводя итоги рассмотрению социальной фантастики постперестроечного времени, можно сделать вывод, что российское общество смотрит в будущее уже не с отчаянием, а с надеждой. Эсхатологические настроения, деструктивные по своей сущности, сменились деловитым строительством сценариев будущего России.

³⁶ Переслегин С. Б. *Опасная бритва Оккама.* // В кн.: Еськов К. *Последний кольценосец.* С. 370–371.

³⁷ См.: Розин М. *Мифология предчувствия.* // *Знание-сила.* 1991. № 7.

³⁸ Балабуха А. *1984 год по Звягинцеву или похвальное слово сослагательному наклонению.* // В кн.: Звягинцев В.Д. *Одиссей покидает Итаку.* Черкесск, 1995. Т. 2, С. 601-602.